РОССИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: СВОБОДА ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ

Татьяна Федяева,

независимый журналист, (г.Таруса Калужской области)

Вы за информацией? Пройдемте в милицию...

В течение многих лет я работала в районной газете. Районные газеты можно ругать, можно хвалить. Было время – хвалили, сейчас чаще ругают. Но нельзя не признать, что бывший "Ленинский путь" или "Строительство коммунизма" для какой—нибудь Марьи Ивановны из Ужовки ближе, чем "Известия", "Независимая газета" и даже всеми любимая "Комсомольская правда". Я работаю в Тарусе. Это маленький город. У нас выписывают газету "Известия" 80 человек, "Комсомольскую правду" – 200 человек, а районную газету 1500 человек. Вынуждена признать, что и в районной печати происходит все то же, о чем только что говорила Ирина Чернова. Детали отличаются, но суть примерно такая же. Вот лишь несколько примеров.

Когда в 1991 году завершился путч, я начала выпускать свою газету тиражом в 1000 экземпляров. Одна, без всякой помощи. Трудно передать то удивительное ощущение, которое испытываешь после того, как из районной газеты, которая на протяжении 54 лет обеспечивала торжество коммунизма, ты шагнешь в свою газету. Пишешь и ни на кого не оглядываешься, говоришь то, что думаешь...

Впрочем, эйфория моя быстро прошла. После того как со мной стали судиться из—за одной совершенно невинной публикации. В своей газете я сообщила о том, что глава администрации одним росчерком пера отдал одному предпринимателю 5—этажный дом. Представляете, 5—этажный дом в районном маленьком городе, где всего—то населения — 10 тысяч, вдруг вот такой царский подарок. Я написала о том, о чем знали все, но в материале была фраза о том, что эти действия граничат с преступлением. На меня подают в суд и говорят: "Она меня назвала преступником. Ни один суд этого не говорил. И поэтому пусть она заплатит 1 млн. рублей." В то время, когда зарплата была 300 рублей это было внушительно. Мы судились год. Выяснилось, что ни в чем я не виновата. В общем, за последние годы я прошла через 5 судебных процессов. И пока бог миловал.

Вот еще один пример того, что такое гласность и свобода информации в масштабах отдельно взятого района. Мою газету в родном моем районе не печатают. Тому, кто знает, что такое районные типографии, не надо рассказывать, как это делается. Я ездила печатать газету в соседний район до тех пор, пока директор типографии, замечательная женщина, не сказала: "Татьяна Степановна, Вы извините, но приезжал ваш глава администрации, и мы не будем печатать Вашу газету." Почему же? Оказывается, глава администрации нашего района предложил деньги, бумагу типографии другого района только за то, чтобы там не печатали мою газету. Я обращаюсь в прокуратуру. Прокуратура говорит, что у Вас нет доказательств, и вообще ничего здесь нет. Пишу Главе администрации области, он вообще мне не отвечает. В общем, в конечном счете, я прекратила печататься в этой типографии. Как печатаюсь сейчас, это уже отдельный разговор.

Третий факт. Я не только профессиональный журналист, но ко всему прочему являюсь сейчас депутатом Городской Думы. И однажды услышала такую информацию, что собирается заседание некой инициативной группы по упразднению местного самоуправления. На мой взгляд, местное самоуправление — это единственное, что может нас как—то поднять. И вот я иду на заседание этой группы. Прихожу, и вдруг выясняется, что это сидят представители коммунистической партии, Совета ветеранов, ну, такие... И вдруг: "Мы Вас не звали." Я говорю:

– Простите, я должна получить информацию. Я имею право как депутат, как

журналист".

- Нет, отвечают мне, вы выйдите.
- Нет, говорю я, не выйду.
- Выйдите, а то мы пригласим милицию.

Я посмеялась над ними, и они действительно пригласили милицию. Я попросила милиционеров предъявить свои документы. Хохот неимоверный: Представляете, она спрашивает документы у милиционеров! И тогда глава администрации говорит: "Знаете что, выносите." Два милиционера подходят ко мне и несут. Во мне 45 кг, нести меня никакого труда не составляет. Они меня выносят из здания райадминистрации, несут по улице, а дальше непонятно, что со мной делать. И когда доносят до здания милиции, я говорю: "Пройдемте в милицию". А они мне: "Вы нам не нужны". Я говорю: "Простите, но давайте доведем дело до конца". Они оставляют меня и говорят: "Вы туда не пойдете". Тут я написала заявление в милицию и прокуратуру о том, что в отношении меня совершены деяния, предусмотренные ст.140–1, то есть мне отказано в информации, нарушены мои права как депутата и как журналиста.

На следующий день узнаю, что я-то написала, но они-то тоже написали. Я требую возбудить уголовное дело, и мои оппоненты требуют возбудить уголовное дело по факту моего хулиганства. Я прошу, дайте документы, – протокол, акт, – в которых были бы зафиксированы факты моего хулиганства. Нет таких документов. Теперь с помощью Комиссии по свободе доступа к информации мы ведем переписку по поводу этого дела. После того как я с помощью КСДИ пожаловалась в Генеральную прокуратуру, я получила очередную повестку в суд. Глава администрации просит обязать меня через суд дать опровержение тем сведениям, которые я распространила в отношении его и уплатила ему 50 млн. рублей! А одновременно Отдел по борьбе с организованной преступностью занимается мной, поскольку я как депутат сумела найти деньги на путевки и 40 детей отправила в санаторий. Я же не могла этого бесплатно сделать, правда же? Значит, я должна была своровать. И теперь давайте докажем, что она воровка.

Такая вот в нашем районе веселая жизнь. Я, конечно, смеюсь, но когда звонят домой и моей младшей дочке говорят, что они с ней сделают и как сделают, то становится не до смеха. Когда мне говорят, что хотя кирпич еще не упал на твою голову, но еще упадет, тоже невесело. В общем, методы работы с журналистами становятся все жестче и жестче.

И напоследок расскажу еще об одном перле чиновничьей мании величия. Недавно в районной газете читаю постановление главы районной администрации. И там есть пункт 3: "Запретить районной газете необоснованную критику одного из учредителей." Ну, что лучше придумаешь?! Вы знаете, опять можно хохотать.